

184/2-632.1)6

C-901

Байрам Суркашев

ПЕСНИ
ВЫСОКИХ
ВЕРШИН

-837701-

Байрам Суркашев

ПЕСНИ
ВЫСОКИХ
ВЕРШИН

Стихи

Перевод с алтайского

23

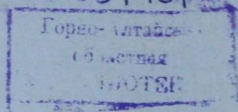
Горно-Алтайское отделение
Алтайского книжного издательства
Горно-Алтайск · 1979

84(2-632.1)6-5

С 901

С (Алт)
С-901

0 337701 ✓ 0

До недавнего времени поэт и врач Байрам Суркашев жил и работал в далеком селе Улаган (сейчас живет в г. Горно-Алтайске). Он автор нескольких поэтических сборников. Его поэзия современна и глубоко лирична, широк ее тематический диапазон. В книжку «Песни высоких вершин» вошли лучшие произведения, написанные поэтом в разные годы.

С $\frac{70403-013}{M138(03) 79}$ 113-79

© Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1979

5-СБК-ПВР

ЛИЦО ВРЕМЕНИ

ЧЕЛОВЕК И ВСЕЛЕННАЯ

Равнодушно луна
Озирает простор
Молодой
И незыблемо древний,
А под нею лежат
Изваяния гор,
Реки мечутся,
Стонут деревья.
В этот час, в этот миг
По ухабам луны
Колесит луноход,
Словно там не впервые.
Только мне не видны,
Только мне не слышны
Ни антенны его,
Ни его позывные.
Может, это во сне?
Может, чудится мне
В эту ночь
Под небесною крышей?
Нет, не сказка, не сон —
Луноход на луне —
Это явь, это быль,
Ничего не попишешь.
Я брожу по земле
При луне, в тишине,
Разговоры с планетами
Вновь затеваю.
Может, в сонмище звезд

Кто-нибудь обо мне
Что-нибудь
Хоть однажды узнает.
Я кричу во Вселенную:
— Я — челове-е-ек!
Крик тугой тетивою
В груди оборвался.
Замигала Вселенная
Миллиардами век,
Будто крик мой
До самых пределов добрался.
— Человек я!
Мой страшный языческий крик
От звезды до звезды
Неприкаянный мечется.
Вот он в бездне исчез,
Вот он снова возник.
Тишина... я один...
Ни звезды и ни месяца.
Я смежаю ресницы —
И нету конца
Вереницам видений,
Не снявшихся деду:
Подлетают ракеты
К воротам Тельца,
Обивают пороги
Самой Андромеды.
В звездолетах фотонных
Ребята сидят
На Гагарина Юрия
Чем-то похожи.
Из скафандров девчонки
Спокойно глядят,
Может быть, Терешковой
Чуть-чуть помоложе.
Человек и Вселенная...

Не устает
Он в глубинах ее
Круто править дорогу.
Ну, а если однажды
Земля позовет,
Он отыщет ли тропку
К родному порогу?
Я брожу по земле
При луне, в тишине,
Разговоры с планетами
Вновь затеваю.
Может, в сонмище звезд
Кто-нибудь обо мне
Что-нибудь
Хоть однажды узнает.

КАРТА

Стою у карты. Четко предо мной
Все страны, горы, все моря, все мели.
Как на ладони виден шар земной
В своих меридианах, параллелях.
Я знаю, что в неведомых краях
Волну на берег катят океаны.
А чайки на распахнутых крылах
Летят, лучами солнца осиянны.
Моря и океаны всей земли...
Стою, смотрю на них, как околдован.
А белые, как чайки, корабли
Плывут в тумане дальнем и лиловом.
Весь шар земной лежит передо мной,
Есть много мест, где не бывал я сроду.
Но на просторной на груди земной
Мест необжитых меньше год от года.
Страна большая...

Малая страна...

Народов разных много на планете.
Над ними те же солнце и луна,
Сменяясь вечно, днем и ночью светят.
Но где-то войны,

где-то кровь рекой,
Вооружаться продолжают страны.
А тех, кто рвется за свободу в бой,
Враги свободы губят непрерывно.
Когда же мир?

И — кончен счет потерь!
Когда же справедливость слово скажет?..
А в джунглях плачет незнакомый зверь,
Кричит и плачет: «О, когда? Когда же?!»

СТОСТИШИЕ

Стостишие... Заветных сто стихов...
Вот мое дело, вот мое призванье.
Потом уйду. И сто иных годов
Сто раз услышат осени шуршанье.

И по планете двадцать первый век
Пройдет без бомб, без грохотанья пушек,
И улыбнется новый человек
Пророчествам уже иных кукушек.

К таинственной звезде Алтын-казык
Иные космонавты устремятся.
И радуясь, что мир вокруг велик,
Все дети будут счастливо смеяться.

Я верю в счастье будущих земель,
Я верю в радости годов грядущих!
И не закроет времени туман
Мне весен — ароматных и цветущих!

...Пронзительная в мире тишина! —
В ней перезвоны сотен зорь рассветных,
И городов далеких белизна,
И голос ста стихов моих заветных...

Стостишие... И через сотню лет
Пусть сотое мое стихотворенье
Несет в себе души высокий свет
И зрелости спокойное прозренье.

БЕЛЫЙ ХАЛАТ

Когда халат я белый надеваю,
То становлюсь добрее и светлей,
Как будто всходит солнца диск, сверкая,
Не на востоке, а в груди моей.

Когда халат я белый надеваю,
То принимаю облик мудреца
И часто пациентам заменяю
Товарища, и брата, и отца.

Когда халат я белый надеваю,
То самый безнадежнейший больной
И тот с волнением чуда ожидает,
Как будто я не доктор, а святой.

Я под халатом к сущему лелею
Земную, неподдельную любовь,
И если надо, собственную кровь
Я даже для врага не пожалею.

Халат мой белый, суть твоя понятна,
Служи во имя радости людей.
Пусть на тебе никто не сыщет пятна,
Равно как и на совести моей.

* * *

Я дивную музыку слышу в себе
И вижу тогда бесконечные дали,
Что с давнего детства остались во мне,
С тех пор, когда сердце не знало печали.

Из этой волшебной и светлой страны
Мне звуки чудесные слышатся снова.
Чтоб душу очистить, они мне даны,
Как доброй молитвы целебное слово.

Когда я прислушаюсь к этим словам,
Мне видится дальняя, дальняя юность,
И горы сверкают вершинами там,
Прорезав ночную прозрачную лунность.

Тогда, словно чудо, сквозь призрачный свет
Встают пред моими глазами виденья.
В них радость, и счастье, и добрый привет,
В словах я тогда нахожу утешенье.

Тогда становлюсь я светлее и сам.
И снова я чист и душой первоизданным.
Души высота — как таинственный храм,
Где слышу я трепет живого дыханья.

Я неуязвим для тоски, для беды,
И вера все тверже, и жар мой не стынет.
Укоры людские и груз клеветы
Легко мне презреть, если я на вершине.

ЖЕНЩИНЫ

Все женщины красивы до одной.
Вразлет их брови, словно крылья птицы.
Сбегают косы черные волной.
В глаза взгляни за темные ресницы:

Там чувства полыхают, как костер.
Печаль придет — они слезой прольются.
Прекрасные создания с давних пор
Нам греют душу, если улыбнутся.

И ноги их красивы и стройны,
И стан прямой и гибкий, словно пальма.
А девушки-алтайки так скромны —
Мгновенно взор потупят перед парнем.

Два холмика под кофточкой видны,
Легка походка, как у быстрой лани.
В глазах их блеск особой глубины
И все они — источник обаянья.

Гефест нам женщину когда-то сотворил
И красотой наделил без спора.
Дала Афина жизнь, избыток сил
И нарекла ту женщину Пандорой.

Предвижу возражений шумный рой —
Ведь Евой звали женщину извечно!
И создана не прихотью впервой,
А из ребра Адамова, конечно!

Я согласиться с этим не желал:
Немало лет у горна пламеня,
Бог кузницы — Гефест ее ковал
И колдовал, как ювелир, над нею.

Все женщины прекрасны.

Обомлев,

Вы, верно, убеждались в этом сами.
Познали все мужчины на земле
Утехи сладкой радостное пламя.

И женщинам от века суждено
Род продолжать страданьями своими.
А нам, мужчинам, как удел, дано
Любить, беречь, ухаживать за ними.

КТО НАЗВАЛ МОЕ ИМЯ?

В правом ухе звенит...

Кто-то, где-то

Мое имя назвал в тишине —
Есть в народе такая примета.
Кто же стал вспоминать обо мне?

Может, люди, которых целил я,
С благодарностью вспомнили вдруг.
Может, люди, которым не в силе
Был помочь я осилить недуг.

Может, в Горно-Алтайске поэты
Называли меня, не браня,
И по старым народным приметам
Не давали в обиду меня.

Может, старая и больная,
Имя сына твердила мать,
В миг последний, уже умирая,
Захотела меня повидать...

Может, юноша доброе слово
Мне сказал, о стихах говоря.
Ну, а может быть, критик суровый
Обругал, за ошибки коря.

И взволнованно сердце забилося —
Кто же вспомнил — тепло или зло?
Может, слово меня очернило?
Может, слово меня вознесло?

* * *

О коршун, коршун, как хотелось мне бы,
Паря, бесшумно совершать полет.

Но я, как сокол, все взмываю в небо,
Зову на подвиг, как труба зовет.

Разрежет синеву мой взлет свистящий,
Я с криком грудь подставляю всем ветрам.
Бездонно небо надо мной, летящим,
Парить я никогда не стану там.

Я знаю, время подойдет такое —
Посеребрит виски за годом год.
Тогда и стану я парить в покое,
Как коршун, наблюдая жизнь с высот.

Но кровь кипит, душою не устал я,
Настало время мир весь обойти —
И видеть много и узнать немало,
Побушевать на жизненном пути.

Чтоб не отстать с закрытыми глазами
От жизни, душу в омуте губя...
«О, смелый сокол, в борьбе с врагами...»
Я тихо напеваю про себя.

Под синим небом плавно кружит коршун,
Легко, красиво облетая высь...
Смотрю, любясь, и грущу все горше:
Где ты, мой смелый сокол,

Появись!

СМЕРТЬ МАРАЛА

Мчится марал, что поранен стрелком,
Мчится с трудом по кустам и корягам.
Небо над ним закружилось волчком,
Все тяжелее он дышит, бедняга.

Бег все труднее, все гуще заслон,
Жизнь на исходе, в глазах потемнело.
Вдруг, как подкошенный, падает он,
Дрожь пробегает по мощному телу.

Смяты вокруг и цветы, и кусты.
Жив он секунды последнего срока.
Алые струи из раны, густы,
Льются на травы медлительным током.

Вот, наконец, он вздохнул глубоко,
Умер в чащобе, в лесном одичанье.
Стадо умчалось уже далеко
И опрокинулось небо в молчанье.

Больше тебе не пастись на лугах,
Там, на альпийских отрогах Алтая.
Солнце не будешь нести на рогах,
Громко трубить, о любви возвещая.

Жаль мне тебя мой красавец марал,
Дикий, стремительный, с гордым обличем
А браконьер, что тебя убивал, —
Пусть он подавится этой добычей!

НОВЫЙ ГОД

Вот Новый год игольчатый
Явился в гости к сроку.
На тройке с колокольчиком
Приехал он с востока.

А старый год твердит стране:
Пришло расстаться время —
Стар, не вернуться больше мне!..
Прощается со всеми.

Вот Дед Мороз с подарками
Приходит к малым детям,
И огоньками жаркими
Под вечер елка светит.

Как звезды, отражаются
Они в глазах приветно.
И люди не стесняются
Хороших слов, заветных.

До года нового уже
Лишь полминуты малой.
И время, как на вираже,
Сквозь сердце пробежало.

Год кончился...

И тишина...

Секунда догорает.

Движенье времени — волна:

Плывет уже вторая.

Взлетают пробки в потолок,
Шампанское запенилось.
В сердцах какой-то добрый ток —
Чего-то ждут с волнением.

Одна секунда — Новый год,
Минута пробежала,
Вот первый час уже идет —
Год движется помалу...

Секунда начинает век,
Секунда век кончает.
Тысячелетия их бег
Бесследно поглощает...

ПРО ЗЕМЛЮ

Иадо мною бездонно громадное синее небо.
Жужд мне космос далекий — он холодом
дышит во мгле.

Как прекрасна Земля!

А случилось когда-нибудь мне бы
полететь за пределы —
я снова вернулся б к Земле.

Если Землю беречь, то на всех ее силы
хватает.

Эту истину знаю,
с людьми свою правду деля.
Из опасности злые планеты подстерегают —
мы под парусом синим не будь же беспечной,
Земля!

Изистерзано тело твое
злом, извечно живущим, —
кровь людскую враги проливали уже испокон.
И жестокость свою и свою неразумную
сущность
Пред тобою являли уже с очень
давних времен.

И уверен —
враги
переменят свой облик жестокий.
Будет род человеческий в мире,
в согласии жить.

Но, коль слово «война» и забудут
в какие-то сроки
То тревогу за мир никогда не сумеют забыть

Будьте бдительней, люди!

Земля нам священна, как знамя
Ей во вред ничего

не должны мы теперь допускать.
С детских лет нас кормила и бережно
нянчилась с нами.

Нас любила и души хранила кормилица-мать.

Славлю землю свою, где живу

и пишу эти строки!
Пусть вовек на Земле не прервется
грядущего нить...

Будьте бдительны, люди!

И прошлого помня уроки,
Ты, Земля, осторожнее будь,
осторожнее будь.

ПИСКАРЕВСКОЕ КЛАДБИЩЕ

На Пискаревском в Ленинграде был я...
И стало больно, стало страшно вдруг —
Из края в край

могилы и могилы,
Одни могилы видятся вокруг.

Погибли люди с голоду. Их мука
Дает им на бессмертие права...
И вмиг пустым мне показались звуком
Здесь всяческие цифры и слова.

Но в память всех погибших в ту годину
Среди могил цветет аллея роз.
И люди здесь, как бы в семье единой,
О прошлом вспомнив, не скрывают слез.

Людскому горю не убавишь срока —
У многих здесь то муж, то брат, то мать...
Суровый ветер тех годов

жестоко
Себя не позволяет забывать.

Сопrotивляясь ветру, ленинградцы
Шли за водой дорогой ледяной,
И падали,

и не могли подняться,
И умирали на дороге той.

На лестницах они теряли силы,
Бетон холодный до крови скребли.

Зимой на санках мертвецов тащили
И, падая, подняться не могли.

Я образ Тани вижу пред собою,
Ее дневник за тот недобрый год...
Враги не вспоминают тех героев —
Им памятники ставит наш народ.

Приносят люди свежие букеты,
На холмики их бережно кладут...
Какой ценой досталась нам победа!..

...О прошлом помнят
и погибших чтут.

СЛОВО ТЯЖЕЛОБОЛЬНОЙ МАТЕРИ

«Смежу глаза —

и предо мной встают

Цветущие подснежники на поле.

Там ветерки порхают и зовут

Меня в тайгу далекую, на волю.

Сын, поезжай скорее в синий бор,

Подснежников нарви, лети, как птица,

Воды целебной привези мне с гор,

Чтоб перед смертью влагой утолиться.

На стены эти сколько мне смотреть?

Я чувствую, что жить осталось мало.

Хоть докторá не говорят про смерть,

Но я на жизнь надежду потеряла.

Коль перевал ты встретишь на пути,

Прошу тебя — и сделай, как просила, —

Вином и молоком ты угости

Родные горы, чтоб вернуть мне силы.

Но торопись — недолго до беды:

Мне с каждым днем все хуже,

смерть все ближе —

И родниковой не попью воды,

Подснежников я больше не увижу...

Но стоит лишь на миг глаза сомкнуть —

За синей дымкою тайга родная,

Где жизнь прошла...

Благословляю в путь.

Я вижу, хоть уже и не вздохнуть,

Подснежники под солнцем расцветают!..»

ДОРОЖУ ПРЕКРАСНЫМ

Когда-то я беспечен был и молод,
Но в землю я зарыл беспечность ту.
Теперь иду я в сапогах тяжелых,
С нелегкой ношей на плечах иду.

Иду вперед я, устали не зная.
Прекрасен мир, ему я сердцем рад!
Порой мне трудно, но вперед шагаю,
Хоть тянет тяжесть тех сапог назад.

В котомке у меня стихи.
Не знаю

Я им еще цены...

И, человек,

Под грузом их я облик свой теряю,
Но я не сброшу ношу ту вовек.

Не дервиш я, не странник богомольный.
К прекрасному стремясь, я и не знал,
Что долог путь,

что сердцу станет больно,
Иначе б в руки я перо не брал.

Когда-нибудь под тяжестью погибну,
К подножью Хан-Алтая упаду.
Исчезну, даже цели не достигнув,
И труд свой до конца не доведу.

Но лишь тогда и отдохнуть смогу я,
И ношу сброшу, и вздохну легко,

И сапоги тяжелые сниму я,
И под откос заброшу далеко.

Тогда меня, о люди, схороните
И прочь уйдите.

А цветы чейне¹

Вы на мою могилу посадите —
Пусть лишь они и помнят обо мне...

¹Чейне — марьян корень, дикорастущий пион.

* * *

Через сердце мое жизнь тропу проложила,
живая.
Только этого мало, я вам говорю не шутя.
Жизнь вдыхаю в стихи, а они иногда умирают.
Не легко мне смотреть, как мое погибает
дитя.

А бессонные ночи текут и рождают бессилье.
Я им счет потерял. Но стихов не сумел
написать,
Что достойны бы нашего,
нового времени были.
Напишу ли когда-нибудь,
кто мне сумеет сказать?

Отработав, все люди идут по домам поскорее,
Ходят в гости друг к другу,
в своем отдыхают дому.
Но поэт отдыхать не умеет и прав не имеет,
Даже после женитьбы покой не приходит
к нему.

Если стих не удался, он шепчет и шепчет,
тоскуя,
В ожидании музыки, что, может, его посетит.
Жизнь ему подарила нелегкую долю такую.
Слов хороших он ждет, а дождется —
и строчку любимую
На весы он положит и цену ей определит.

ПОЭТ И ЕГО СВОБОДА

Мне до боли знакома планета —
Износил я сто пар башмаков
В трудных поисках нескольких слов —
Тех, что ждет мой народ от поэта.

В красоте все мы видим начало
Вдохновенной любви и мечты...
Но одной лишь такой красоты
Для поэта невысказано мало!

Вот словарь, вот перо и чернила,
Ты свободен — садись и пиши...
Если б жили стихи без души —
О, как просто тогда бы все было!

Вечный труд, беспрестанность усилья —
Здесь свобода и счастье твое.
Приземляет тебя бытие,
Но в стихах обретаются крылья.

Слово к слову, страница к странице...
Нет свободного времени, нет!
И в работе, бессонный поэт,
Здесь с тобою никто не сравнится.

...Люди кажутся мне божествами...
Долетят ли стихи до богов?
Или смыслом вот этих стихов
Любоваться в тиши вечеров
Будем только, поэты, мы сами?..

* * *

Пусть ветры жизни просквозят мне душу,
От слов сердечных

исцелится дух.

Быть в гуще жизни —

это не нарушу

И горьких дум не выскажу я вслух.

Я не хочу под игом их сгибаться!

Но кто бездумно прожил из людей?

С чем на земле трудней всего

расстаться?

Конечно, с жизнью,

с думою своей...

Наследникам я все оставлю,

зная,

Что жизнь и землю обновленье ждет.

Иное поколение —

песнь иная,

И грусть иная в песне оживет.

* * *

Погордиться я порой хочу
И порой похвастаться немало,
А порой я просто пошучу,
В дураках останусь —
так бывало.

Но стихи в молчании ночном
Я пишу — и не передохнется.
Отдохну когда-нибудь потом —
Радуга в душе дугой согнется...

Все умчится утром от меня.
Тяжким думам снова станет тесно.
Я услышу мощный бег коня,
Отзвук краткой жизни будет в песне...

Ни чинов, ни денег.

Но о том,
Что скажу, никто не скажет боле.
Знает то звезда в краю ночном
Да цветы весною в чистом поле...

ЛЕТНИЕ ГРОЗЫ

Быстрой молнии слепящий блеск!
И в природе тишина, истома...
Вдруг послышался на небе треск —
Горы содрогаются от грома.

Через миг уже удар второй,
Небо разрывается на клочья,
Третий и четвертый впереводку
Друг за другом в небесах грохочут.

Вкруг ствола завившись, как аркан,
Молния стреляет в землю метко.
Кедр столетний — мощный великан —
Падает, обламывая ветки.

Гневный бог ударит в бубен —
сам
Молнии начнет метать, как стрелы,
И гоня Эрлика¹ по лесам,
Вслед пошлет он вихрь рассвирепелый.

Грянет ливень, зашумит в горах
И мгновенно кончится, как не был.
Солнце улыбнется в облаках,
Радуги перепояшут небо.

Разойдутся стаи облаков,
По оврагам ручейки помчатся.

¹ Эрлик — по алтайской мифологии: властелин подземного мира, демон.

На дороге — грязь из-под подков,
А березы все принарядятся.

Смолкнет лес, объятый тишиной,
Засверкают на ветвях алмазы,
Травы в рост подымутся волной
И вода прибудет в речках сразу.

А под вечер в небе золотом
Стая облаков опять собьется.
Снова молния и гулкий гром —
Снова да ладом гроза начнется.

Кедры седые сквозь сонный шорох
Слушают эти ночные сказанья.

Сказки лесные прекрасны на диво,
Имя им — будущее народа.

Звезды всю ночь этим сказкам счастливым
Чутко внимают, вода хоровады.

У Т Р О М

Едва светает. Тишина...
Лес только ждет еще восхода.
Заря на небе чуть видна,
А я уже готов к походу.

Вот под лучами вспыхнул бор —
Вершин коснулся луч светила.
Пока я разводил костер,
Заря всю землю охватила.

Как радостно начало дня!
Все громче птичий гомон в кронах.
Я быстро оседлал коня,
Вскочил в седло, поводья тронул.

Поехал, поглядев вокруг
На россыпь рос в траве несмятой...
Кусты зашевелились вдруг
И предо мною — косулята!

Еще малы, мокры, пестры
И даже не окрепли ноги,
Глядят, не зная до поры,
Что человек на их дороге.

Куда их табунок забрел?
Где мать?..

Носы в ладонь мне тычут..
А на скале сидит орел,
Готовый ринуться к добыче.

Я выстрелом спугнул орла,
И хищник улетел крылатый.
Опасность грозная прошла —
Спаслись от смерти косялята.

Я их унес в траву тогда
И на прощанье их погладил.
Окрепнут ноги, не беда! —
Привольно будет в горных падах.

Пригрело солнце спину мне,
И снова надо в путь-дорогу,
Но и в спокойной тишине
За косялят живет тревога.

Пусть вас минует, косялят,
Беда и хищная расправа...
А летние дожди шуршат,
Вы слышите, шуршат по травам...

МУЗЫКА ГОР

НА РОДИНЕ МОЕЙ

На родине моей серебряные ливни
По кедрачам нехоженным шумят,
И песни пастухов, напевны и наивны,
К высоким звездам на заре летят.

Задев крылами горные вершины,
Рассвет в долины сонные спешит.
Туманы белые над водами стремнины
Клубятся, будто пыль из-под копыт.

На родине моей пугливые маралы
Копытным звоном выстлали простор,
И солнце-богатырь кладет устало
Ладони теплые на плечи синих гор.

На родине моей из сказочных соцветий
Косули дикие утрами росы пьют,
И радуге — которое столетье! —
Цветы Алтая краски отдают.

* * *

На Алтае моем, где луна, как слепец,
Равнодушно глядит на высоты,
Есть места, на которых оставил отец
След во время последней охоты.

Там теперь только кедры сурово шумят
Да над ними пугливые звезды дрожат.

А когда у вершин из полуночной мглы
Проступают неясные лики,
Тщетно ищет отца по лесам амыргы¹,
Надрываясь в безудержном клике.

Услыхав ее голос, бегущий марал
Замирает у камня седого,
Будто он на таежной тропе увидел
Сохранившийся след зверолова.

А отец мой давно погиб на войне...

¹ Амыргы — деревянная дудка для приманивания маралов.

СЕЛ НА ЮРТУ МЕСЯЦ

Тайны исполнена ночь на земле.
Рой светляков — как светящийся
снег.

Месяц на юрту спустился
во мгле —
Месяц устроился там на ночлег.

Начали светлые духи гор
Белый челнок колыбели качать,
Сказку стал нашептывать бор,
Людам хорошие сны навевать.

Мирную юрту укутал сон,
Бор таинственный тоже уснул.
Месяц на юрте затих, утомлен,
Грустно согнувшись,
и он прикорнул.

* * *

Мой аргамак давно
 сном беспробудным спит,
И коновязь в ненастье обветшала.
И сбруя серебром отделки не звенит —
Земля те песни слышать перестала.

Но реки, как всегда, вздымают волн бурун,
Все та же даль,
 луна все так же светит.
Лишь я брожу один, печальный,
 как Меджнун,
Все потеряв,
 забыв про все на свете...

* * *

Когда из-за далеких горных спин
Взошло над миром яростное солнце,
Я был объят восторгом неземным
Перед таким невиданным простором,
Перед цветком, как уголек, горящим,
Глядевшим солнцу в ясные глаза.

Как каменные молнии, хребты
Искрились снегом, оплетая дали.
Душа моя их неизбывным светом
Была в тот час до дна озарена.

Внизу металась воды быстрых рек
И множились во мне целебным звоном.
Но горы синие, что не жились под солнцем
Луны восходом грезили уже.

НАПИШИ МНЕ, МИЛАЯ...

Почему ты, милая, не пишешь?
Получить письмо твое хочу.
Каждый день я жду его,
ты слышишь?

И тогда на крыльях прилечу
Я к тебе со светлою душою,
С нежною любовью
и с собою
Принесу тебе степей простор,
Россыпь рос с высоких синих гор.

Если ж не напишешь, дорогая,
Превращусь в кукушку от тоски.
Каждою весною прилетая
В наши горы,
Буду у реки
Звать тебя с березовой опушки
Одиноким голосом кукушки.
С горных круч родимого Алтая
Напиши мне, милая, скорей.
Покажись мне, душу согревая,
Соткана из солнечных лучей.
А не то я, став кукушкой скоро,
Сам к тебе примчусь в родные
горы.

* * *

Когда отец уходил воевать,
Была на Алтае червонная осень.
Слезы, прощаясь, роняла мать.
И лес прощальные листья сбросил.

Свежий ветер алтайских гор
На подвиг отца провожал когда-то.
Вершины сияли и дальний простор
Платком голубым помахал солдату.

* * *

К тропинкам узким затаю любовь,
Железною дорогой мчусь я вновь.
Алтай припоминаю, подъезжая
К громаде города, что весь в огнях сияет.
И девушки алтайские

цветами

Мне кажутся в долинах меж горами.
А маленький, но дружный наш народ
Одной родной деревней предстает.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Пусть твоя дорога будет
Вечно светлой, мой балам¹.
Ты найдешь, я верю, счастье, —
Побыстрей расти, балам.
Ждут тебя дела большие
Впереди, пойми, балам.
Должен быть ты, как подснежник,
Очень нежным,
Мой балам.
Должен быть, как беркут горный,
Смелым, гордым,
Мой балам.
Материнской добротою я хочу тебе
добра,
Я тебе желаю счастья сердцем матери,
балам.
Обойди весь мир, сынок мой,
Но и там
Не забудь родные горы, мой балам.

¹ Балам — сынок.

* * *

Небо — мой колокол голубой,
Звоном своим далеко разливаясь,
качается.

Миллионами струн
Миллионы лет —
Миллионами пальцев к земле прикасаясь,
Солнце лучами играет, ласкается.
Под небесною музыкой этой
Леса и горы,
Моря и озера
Дремлют и светом ее обновляются.
Небо — мой колокол голубой,
Под ним я встречался с людскою судьбой —

Видел счастья трепет
И горечь горя,
Морщины старости
И молодости свежесть.

МОЯ РАБОТА

На горы я смотрю родные,
Мечтаю о грядущем их.
Где я найду слова такие,
Чтоб ярче был о них мой стих?

Ресницы черных глаз любимой
Лишь приоткроются едва,
И все, что мне необходимо,
В них нахожу я — все слова.

И я хотел бы быть при этом,
Как богатырь Ай-Тунюке,
Чтоб стих, как меткий лук поэта,
Послушен был моей руке,
Чтоб он родные горы славил
И след в людской душе оставил.

НОСТАЛЬГИЯ

Земля родная, горы и долины,
У вас беру я силу, добрый свет.

Алтаец я,

примите же от сына

Издалека горячий мой привет!

Скучаю я о вас, тоскою ранен.

Пусть принесет дыхание ветров

Ко мне полей и гор благоуханье,

Вершин сиянье, водопада рев.

Навстречу им бескрайними степями

Ты, слово ласки, полети в мой край.

И голосом моим эзен¹ далекий маме,

И брату старшему, и сестрам передай.

Все так же возле маленького дома

Растут березы, листьями шурша.

И шепот их, задумчивый, знакомый,

Услышит материнская душа.

Долины, горы, вся земля родная,

От вас характер мой и сил запас.

Я не сдаюсь — учусь, я — сын Алтая,

И пусть эзен мой долетит до вас.

¹ Эзен — привет.

* * *

Вспомню на миг о родном Алтае —
И слышу ржанье коней на воле.
Мирно шумит там тайга вековая
И цветы расцветают в поле.

То мне чудится —
в синей долине

Звенел колокольчик
и вмиг исчез он.

То мне кажется — осенью длинной
Кто-то трубит в амыргы по лесу.

То мне кажется — темень сгустилась
И голос флейты во мгле раздаётся.

То мне чудится —
в старом аиле

Мать меня ждет
и никак не дождется...

* * *

Александр Ередееву

Дыханье горных круч отвесных
И чистый звон ручья по скалам,
Задумчивость вечерней песни
Я сердцем ощутил усталым,
Когда к тебе я, друг, приехал.

Гостеприимством дом твой полон
И полон теплыми словами.
Он дорог стал, твой дом веселый,
Детишек черными глазами,
Когда к тебе я, друг, приехал.

Как будто бы на склонах горных
Расцвел любимый мой маральник,
Как будто не было упорной
Тоски в моей душе печальной,
Когда тебя я, друг мой, встретил.

* * *

Во мне течет
Свет далеких звезд,
А в груди у меня
Синий ветер поет.

Словно белый ягненок,
Восходит луна,
Над моим селом
Влажный лунный свет.

В синем небе весна,
Воздух дышит весной.
Вешний вечер объял
Весь заждавшийся мир.

Люди ходят тропой,
Талым снегом шурша.
И в пронзительной тишине
Гор вершины стоят.

Как хотелось бы мне
Прозвенеть в тишине,
Словно стремя
Стремительного коня.

Или яростно крикнув,
Как поезд ночной,
В тот же миг помчаться
В далекий путь...

МАТЬ

Нет, я не важничал, вернувшись в свой аил,
Как малое дитя, не жался к маме...
По-прежнему доверчив и послушен был,
Но отчего-то грустен вечерами...

Мне детства отблески издалека видны,
Родник воспоминаний вдруг проснулся...
Но те же отблески, как нежный свет луны,
В глазах у матери: ведь сын вернулся!

* * *

Надо мною распростерлось небо,
Высокое и голубое,
А кругом ошестинились горы,
Дикие горы.
До селенья далёко.
И юрта стоит одиноко.
А навстречу мне идет пастушка —
Ей семнадцать лет и не больше.
В ушах ее качаются серьги,
А глаза, что чернее смородин,
На меня внимательно смотрят.
Как ее серебряные серьги,
Мои чувства полны чистотою.
Улыбается девушка знакомо,
Вся — благоговенье ожиданья.

ДЕВУШКА-ПАСТУШКА

Кто пасет отару по долинам
С песнею веселой соловьиной?
Девушка-пастушка Карамай.

Стадо отощавшее весной,
Чуя запах травки молодой,
Все вперед безудержно спешит.
Кто сердито вслед за ним бежит?
Девушка-пастушка Карамай.

Кто, когда ягнята погибают,
Кулаком слезинки вытирает?
Кто поит сиротку молоком,
Гладит спинку ласково притом?
Девушка-пастушка Карамай.

А уж если жадный волк напал,
Кто стрелял, сражая наповал?
Кто вернется к ночи из долины
За отарой с песней соловьиной?
Девушка-пастушка Карамай.

КОГДА Я ПИШУ СТИХИ

Когда пишу я по ночам стихи,
Ко мне слетают звезды, словно птицы.
Их легкие и светлые следы
Пусть приживутся на моих страницах.

Когда пишу я по ночам стихи,
Свою слезу цветок роняет синий
На белую бумагу.

Вкруг меня
Толпятся лани стройные в долине.

Когда пишу я по ночам стихи,
Взгляд матери я чую за спиною,
Но лишь закончу, — исчезает все,
Все образы прощаются со мною...

МОЯ КАТУНЬ

Доро́гой осени червонной,
Покачивая облака,
Течет, играя синим звоном,
Катунь — веселая река.

К тебе пришли и лес и горы,
Чтоб слушать сказку волн твоих,
И месяц золотой над бором,
Заворожен тобой, притих.

Моя Катунь, своей волною
Ты звезд и солнца ловишь блеск.
Но слышу я за тишиною
Твоих глубин громовый всплеск.

А ты,
чтоб не мелела,

воду
Из родников алтайских пьешь...
Сквозь сердце моего народа,
Я верю, ты, Катунь, течешь!

СИНИЕ ДУМЫ

К ночи,
откуда и сам не пойму я,
Синие думы приходят толпой.
В сердце моем притаившись ночуют,
А утром опять расстаются со мной.

Синие думы откуда всплывают?
Не из глубин ли прошедших веков?
Синие думы куда исчезают?
Не в небеса ли под свод облаков?

Может, с далеких полей прилетают,
Где созревают хлеба на ветру.
Может, их кедры ночные рождают
Песней таинственной в темном бору.

Синие думы, со мною встречаясь,
В гости под вечер приходят толпой.
Я их, как добрых гостей, привечаю,
Сердце им настезь свое открываю —
Легче мне жить, если думы со мной.

* * *

Где-то солнечным жаром
Насытились листья деревьев...
Где-то от злых пожаров
Горят города и деревни.

Где-то, чтоб дети уснули,
Матери им напевают.
А где-то от вражьей пули,
Собою прикрыв,
спасают.

* * *

Стремлюсь порой туда,
Где нету смерти грозной.
Хочу в себя вдыхать
Я чистый синий воздух.

Хочу всю жизнь прожить
Я с честностью кристальной,
Гореть в огне любви,
Как солнце, беспечальной.

Хочу я жить всегда,
Вовек не умирая.
Но смертен, как звезда,
Как дерево, сгораю.

ВОЛШЕБНЫЙ КОНЬ

Есть цвета крови жеребец
С густою гривой, как ночь.
И есть могучий богатырь,
Что хочет скакуна поймать.

Как красный вечер настаёт,
Он в поле сторожит его,
А чуть примчится жеребец,
Он забывает про аркан.

Завороженно смотрит он
На небывалого коня.
Его учуяв, жеребец
Копытом бьёт — земля дрожит.

Конь мчится через перевал,
А богатырь идёт ни с чем.
Оплошность глупую кляня,
Он шепчет:

все равно он — мой!

И каждый день, едва закат,
С надеждой он идёт в поля.
Вновь исчезает конь,

а он

До сей поры заморожен.

ВЕЧЕР В СЕЛЕ

Как солнца уходящего подол,
На западе все небо пламенеет,
И воздуха синеющего шелк,
Как океан, в лицо прохладой веет.

Луна взошла, поплыли облака,
А каждый звук казаться начал гулким,
И юных защемила вдруг тоска...
А взрослые галдят по переулкам.

ЛЮДИ СЕЛЕНИИ

Я люблю людей из деревень,
Лица их светлы, как ясный день.

Здесь одежду в культ не возведут,
Культ один — до пота потрудиться,
И родной язык здесь берегут,
Дав ему свободу, словно птице.

В дом любой заходишь, будто в свой —
В час любой — как поздний, так и ранний,
Всем, что есть, поделятся с тобой,
Отнесутся с добрым пониманьем.

Спросят о здоровье, о семье,
В отдыхе, в ночлеге не откажут,
И какие новости в селе —
Обо всех до мелочи расскажут.

Любят здесь детей, разводят скот,
И не даром замечают тонко:
Двор — не двор, коль у его ворот
Нету ни ребенка, ни ягненка.

Каждый с каждым в стороне родной
Неразрывной связаны судьбою.
Так вот и живет одной семьей
Маленький народ с большой душою.

* * *

Когда я первый раз порог аила
Переступил с другими наравне,
В тот день цветы, каких не мало было,
В пути встречаясь, улыбались мне.

Обрадовавшись встрече, шустрый ветер
Вихры мои взъерошил и — бегом.
И небо не замедлило приветить
Меня несильным ласковым дождем.

«Знай красоту», — мне радуга сказала
И краски пролила с крутых высот.
Голубка на лету проворковала:
«Мечта твоя пусть будет как полет».

А по лесам кукушки обещали
Мне долгую безоблачную жизнь.
И я от счастья, что открыли дали,
Смеялся колокольчиком во ржи.

Несло с весенних голубых нагорий
Цветочный запах и тепло камней.
И желтый одуванчик с косогора
По-братски в пояс поклонился мне.

* * *

Небо синее,
 синее,
 синее.

Юрта синяя,
Будто бы в инее.
Зорька красная,
 красная,
 красная.

Значит, будет погода прекрасная.
Горы всюду высоко-высокие,
А над ними —
 луна крутобокая.

Робкий утренний свет разливается.
Где-то птица поет-заливается —
Песня носится звонкая,
 звонкая

Над родимой моею сторонкою.
Ранний ветер промчался воинственно.
Кедры глухо шумят и таинственно.
Я бегу —
Развеваются волосы.
Бормочу,
 словно песню,

 вполголоса:
— Здравствуй, утро,
 надежды дающее!
Здравствуй, зорька,
 так рано встающая!
Здравствуй снова,
 луна уходящая!
Здравствуй, прошлое
 и настоящее!

ВЕРЬТЕ!

Помню,
В детстве беззаботном
Раскрывали нам объятая
Все поляны
и долины
Нашей светлой стороны.
Я с друзьями бегал всюду,
Но,
преданий начитавшись,
Постоянно твердо верил
Я в земные чудеса.

Я зарю встречал,
как чудо.
Провожал закат,
как чудо.
Надо мною шелестели
Ночи крыльями чудес.
Я себя батыром видел
И задумывался,
где бы,
И задумывался,
как бы
Мне свой подвиг совершить.

...Много лет
С тех пор промчалось.
И воды в Катунь много

Унеслось
 в иные дали
По извечному пути.
В жизни всякое случилось:
Счастье было,
Горе было,
Был с горами я в разлуке.
И вернулся на Алтай.

Вижу,
Носятся мальчишки
На полянах
 и в долинах
И о подвигах мечтают,
Страстно веря в чудеса.
Я смотрю на них без тени
Снисходительной улыбки.
И готов кричать им:
«Верьте!
Чудеса на свете есть!»

АЛТАЙКА В БЕЛОМ ПЛАТЬЕ

Я на тебя гляжу со стороны.

Идешь.

Весной глаза твои полны.

Светла ты,

Как черемуха в цвету.

Ты не идешь —

Взмываешь в высоту.

Ты —

лебедь.

Ты —

подснежник на лугу.

Нет!

Я найти сравненья не могу.

Идешь.

И распростерт перед тобой

Весь этот мир весенний, голубой.

И десять лет учебы — позади,

И сто дорог зовущих — впереди.

Любую выбирай —

к мечте иди,

Неси любовь к родной земле в груди.

Я на тебя смотрю со стороны.

А ты проходишь в облике Весны

Вдоль ручейка,

Бегущего с горы.

И вся ты —

в неизвестное порыв.

И как тебя я здесь ни назови,

Ты вся —

предошущение Любви.

А ты проходишь в облике Весны.

Я на тебя смотрю со стороны.

И хочется кричать тебе вослед:

«Ах, где они,

Мои семнадцать лет?!»

У МОГИЛЫ НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА

К Могиле Неизвестного солдата
Пришел я на закате.

Тишина,
Людьми оберегаемая свято,
Стояла там.

Казалось,
Вся страна
Застыла в охранении суровом
И скорбном.
Не на годы —

навсегда.

Неосторожно сказанное слово
Кощунственным казалось мне тогда.
Такого необычного момента
Не чувствовал я в жизни до сих пор.
И на могилу возле монумента
Я возложил цветы с алтайских гор.
И об отце погибшем вспомнил с болью.
И обо всех,

Кто не пришел с войны.
Глаза прижгло непрошенной солью.
Да так,

Что стали губы солоны.
...Людьми оберегаемая свято,
Как мать в беде,
Склонилась тишина

К Могиле Неизвестного солдата,
Который вечен,
Как моя страна.

Т. В. Н.

Ты теперь далеко. И дорога к тебе,
Словно в юность, однажды потеряна где-то.
Но разрез твоих глаз — и в тоске и в мольбе
Неразлучен со мною зимою и летом.

Ты, как прежде, наверно, строга и горда,
Лишь ресницы порою взлетят, будто птицы.
Я, быть может, с наивностью верил тогда,
Что волшебны твои и глаза и ресницы.
Помню я за тобою ходил по пятам,
Безнадежно влюбленный,

безмолвный от счастья,

Но была ты доступной лишь только мечтам
Да и, правду сказать, не особенно часто.
А когда мы сходились в студенческий клуб
И до одури пели веселые песни,
Я под рев саксофонов и солнечных труб
Одиноким казался в компании тесной.
Ты была меж своих институтских подруг,
Словно вихрь, что врывается в лоно покоя,
Я же чувствовал в сердце какой-то испуг,
И спасал меня Лермонтов горькой строкою.
Я когда-то от снов не шутя уставал,
А теперь хоть бы раз ты во сне мне явилась.
Я когда-то любовью был бит наповал,
А теперь нет ее, боль одна сохранилась.
Ты живешь далеко средь шуршания шин,
В обихоженном доме, в отдельной квартире.
Ну, а я затерялся в таежной глуши —
В непонятном тебе, но прекраснейшем мире.

ПИСЬМО СЕСТРЕ

В твоём селе черемухи цветут,
И мир весенний широко распахнут,
Ты помнишь ли, как в детстве пах курут?¹
Он так теперь давно уже не пахнет.

Была ты словно ветер-озорник
Во время наших детских состязаний.
Те годы отзвенели, как родник,
Ты врач теперь, и в том твоё призвание.

Твоя рука нежна и глаз остер,
Ты скальпелем и словом исцеляешь,
А я в плену у строчек до сих пор,
И ты об этом, видимо, не знаешь.

Как ты живешь? Как мама? Не скрывай.
Мне кажется, что вечность вас не видел.
Бывает ли братишка Язулай?
Ты на него, прошу, не будь в обиде.

Ведь мы с ним — братья старшие твои,
И если что случится вдруг с тобою,
Ты беды и невзгоды не таи,
Мы их поделим с братом меж собою.

Когда у вас черемуха в зарю
Осыплет цвет дурманяще-истомный,
Я привезу тебе и подарю
Цветок, который детство нам напомнит.

¹ Курут — сыр из квашенного молока.

ОБРАЩАЯСЬ К МОЕМУ НАРОДУ

До рези в глазах эта даль голубая!
Мир звездами пахнет и новой весной.
А конские сбруи в долинах Алтая,
Как песни народа, звенят надо мной.

Народ мой! Как всадник,
я мчался с мечтою
Тебе посвятить мой взволнованный стих.
Но занят по горло работой большою,
Ты, кажется, слов не расслышал моих...

Меня ободрял ты в минуты печали,
Вспоив своей речью, как мать молоком.
Все думы мои лишь к тебе обращались,
К тебе обращались счастливым стихом.

И где бы я ни был — я черпал удачу
В народной судьбе и в родном языке.
Подумать — ну, что я без этого значу?
Перо обмирает в неловкой руке...

До рези в глазах эта даль голубая.
И новые звезды ночами горят.
А конские сбруи в долинах Алтая
Задумчивой песней звенят и звенят.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЛИЦО ВРЕМЕНИ

Человек и Вселенная. Перевод Н. Черкасова	3
Лицо времени. Перевод Е. Стюарт	6
Карта. Перевод Е. Стюарт	8
Стостишие. Перевод Ю. Магалифа	9
Белый халат. Перевод Н. Черкасова	10
Мечтая о славе. Перевод Е. Стюарт	11
«Я дивную музыку слышу в себе...» Перевод Е. Стюарт	12
Женщины. Перевод Е. Стюарт	13
Кто назвал мое имя? Перевод Е. Стюарт	15
«Мне тридцать один исполняется год...» Перевод Е. Стюарт	16
«О коршун, коршун, как хотелось мне бы...» Перевод Е. Стюарт	17
Смерть марала. Перевод Е. Стюарт	18
Новый год. Перевод Е. Стюарт	19
Про Землю. Перевод Е. Стюарт	21
Пискаревское кладбище. Перевод Е. Стюарт	23
Слово тяжелобольной матери. Перевод Е. Стюарт	25
Дорожу прекрасным. Перевод Е. Стюарт	26
«Через сердце мое...» Перевод Е. Стюарт	28
Поэт и его свобода. Перевод Ю. Магалифа	30
«Пусть ветры жизни просквозят мне душу...» Перевод Е. Стюарт	31
«Погордиться я порой хочу...» Перевод Е. Стюарт	32
Летние грозы. Перевод Е. Стюарт	33
Сказки леса. Перевод Е. Стюарт	35
Утром. Перевод Е. Стюарт	37

МУЗЫКА ГОР

На родине моей. Перевод Н. Черкасова	39
«На Алтае моем, где луна, как слепец...» Перевод Н. Черкасова	40
Сел на юрту месяц. Перевод Е. Стюарт	41
Прохлада укутала алтайские горы. Перевод Е. Стюарт	42

«Мой аргамак давно сном беспробудным спит...»	
Перевод Е. Стюарт	43
«Когда из-за далеких горных спин...»	Перевод
Н. Черкасова	44
Напиши мне, милая...	Перевод Е. Стюарт
	45
«Когда отец уходил воевать...»	Перевод Е. Стюарт
	46
«К тропинкам узким затая любовь...»	Перевод
Е. Стюарт	47
Колыбельная.	Перевод Е. Стюарт
	48
«Небо — мой колокол голубой...»	Перевод
Е. Стюарт	49
Моя работа.	Перевод Е. Стюарт
	50
Ностальгия.	Перевод Е. Стюарт
	51
«Вспомню на миг о родном Алтае...»	Перевод
Е. Стюарт	52
«Дыханье горных круч отвесных...»	Перевод
Е. Стюарт	53
«Во мне течет свет далеких звезд...»	Перевод
Е. Стюарт	54
Мать.	Перевод Ю. Магалифа
	55
«Надо мною распростерлось небо...»	Перевод
Е. Стюарт	56
Девушка-пастушка.	Перевод Е. Стюарт
	57
Когда я пишу стихи.	Перевод Е. Стюарт
	58
Моя Катунь.	Перевод Е. Стюарт
	59
Родная планета.	Перевод Е. Стюарт
	60
Синие думы.	Перевод Е. Стюарт
	61
«Где-то солнечным жаром...»	Перевод Е. Стюарт
	62
«Стремлюсь порой туда...»	Перевод Е. Стюарт
	63
Волшебный конь.	Перевод Е. Стюарт
	64
Вечер в селе.	Перевод Е. Стюарт
	65
Люди селений.	Перевод Н. Черкасова
	66
«Молния пылающие крылья распахнула...»	Пере-
вод Е. Стюарт	67
«Когда я первый раз порог анла...»	Перевод
Н. Черкасова	68
«Небо синее...»	Перевод Г. Володина
	69
Верьте!	Перевод Г. Володина
	70
Алтайка в белом платье.	Перевод Г. Володина
	72
У Могилы Неизвестного солдата.	Перевод Г. Во-
лодина	74
Т. В. Н.	Перевод Н. Черкасова
	75
Письмо сестре.	Перевод Н. Черкасова
	76
Обращаясь к моему народу.	Перевод Ю. Мага-
лифа	77

Байрам Кундулеевич Суркашев

ПЕСНИ ВЫСОКИХ ВЕРШИН

Стихи

Художник И. Ортогулов.

Редактор Н. Кучияк.

Художественный редактор В. Ортогулова.

Технический редактор М. Шелепова.

Корректор З. Шинжина.

Сдано в набор 9/II 1979 г. Подписано к печати 19
1979 г. Бумага тип. № 1. Формат 70×90^{1/32}. Усл. п
2,92. Уч.-изд. л. 2,15. Заказ 696. Тираж 4000 экз.
на 25 коп.

Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного
дательства, ул. Горно-Алтайская, 36. Горно-Алтайс
типография, пр. Коммунистический, 27.

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Кол-во прод. выдан

Сук. тис. № 7. 10296 — 10.000.000.

25 коп.

ГОРНО-АЛТАЙСК . — 1979